

Обзоры. Рецензии

УДК 94(470)''8/11''(045)

В.В. Пузанов

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ IX–XII ВЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ Ю. С. КУЧИНА)

Данная статья посвящена анализу монографии Ю. С. Кучина «Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII вв. в отечественной историографии (середина XX — начало XXI в.)». На основе широкого круга историографических источников автор создал солидный научный труд, оригинальный с точки зрения постановки проблемы и комплексного подхода к её изучению. В монографии анализируются источниковая и теоретическая база исследований по истории т. н. «летописных племён» и «древнерусской народности», познавательные возможности различных типов источников по теме, трактовка отечественными учёными этнографических дефиниций применительно к восточнославянскому материалу. Отдельные главы посвящены историографии конкретных восточнославянских «племенных образований» и «древнерусской народности». Слабым местом работы являются жёсткие языковые (только издания на русском языке) и территориальные (труды, вышедшие в СССР и Российской Федерации) рамки, что оставляет за бортом исследования значительный пласт исследований, оказавших важное влияние на отечественную историографию проблемы.

Ключевые слова: Ю. С. Кучин, Восточная Европа IX–XII вв., отечественная историография, этнические образования, «племена», древнерусская народность.

Вышедшая в 2017 г. монография Ю. С. Кучина написана на основе его кандидатской диссертации и посвящена анализу проблемы славянских этнических образований Восточной Европы IX–XII вв. в отечественной историографии середины XX — начала XXI вв. Актуальность и научная значимость работы не вызывают сомнений. Во-первых, история восточнославянского этногенеза, этнокультурной составляющей полито- и социогенеза периода становления и развития Древнерусского государства была и остаётся важнейшей темой исторической науки. Во-вторых, автор не только пытается подвести итоги изучения проблемы в новейшей отечественной историографии, но и поднимает такие основополагающие для современной науки вопросы, как формирование и движение корпуса исторических источников, совершенствование методов и методологии исторических исследований, влияние социокультурной среды на творчество историка.

Конечно, работа Ю. С. Кучина появилась не на голом месте. В науке имеются историографические исследования, посвящённые и отдельным т. н. «летописным племенам», и древнерусской народности. Однако комплексный анализ проблемы, сама постановка её в таком широком ракурсе (связка «летописные племена» — «древнерусская народность»), попытка рассмотрения отдельных поднимаемых вопросов в контексте единого историографического потока позволяют вести речь о рецензируемой монографии как о первом обобщающем труде по данной теме.

Одной из отличительных черт монографии Ю. С. Кучина является широкое использование не только историографических, но и древнерусских и зарубежных исторических источников, что способствует более глубокому пониманию методики исследований отечественными историками различных вопросов проблемы, более тонкой и взвешенной оценке сильных и слабых сторон рассматриваемых концепций и точек зрения.

Монография построена по проблемно-хронологическому принципу. Методологическая составляющая исследования основывается на синтезе различных систем исторического познания и представляется обоснованной с точки зрения решения поставленных в работе задач. Особо следует отметить попытки системного подхода с целью представить отечественную историографию как определённую систему взглядов, создать целостное историографическое полотно по рассматриваемой проблеме.

Первая глава книги посвящена анализу источниковой и теоретической базы исследований по истории славянских этнических образований Восточной Европы IX–XII вв. Автор детально анализирует ввод в научный оборот различных типов источников и их познавательные возможности для рассматриваемой темы, отмечая, что в изучении проблемы «летописных племён» в условиях источникового де-

фицита во многом определяющую роль стал играть археологический материал. Впрочем, автор справедливо указывает на сложности этнической интерпретации данного вида источников [1, с. 17–19]. В частности, «вряд ли можно согласиться с безоговорочным отождествлением археологических культур и этнических общностей», что, однако, по его мнению, «не исключает возможности применения данных археологии в этногенетических исследованиях» [1, с. 72]. Выводы же «по этнической природе летописных “племён”, основанные лишь на археологических материалах», не имеют «конкретного содержания» и «главным историческим источником, позволяющим воссоздать этническую структуру восточноевропейских славян IX–XII вв., по-прежнему остаётся летопись» [1, с. 249–250].

«Поскольку... исторические исследования этнической проблематики невозможно представить без использования этнической терминологии», Ю. С. Кучин специально останавливается на понимании (трактовке) отечественными исследователями таких дефиниций, как «племя» [1, с. 26–35], «народность» [1, с. 35–41], «народ» [1, с. 41–42], «этническая общность» [1, с. 42–43], «этнос» [1, с. 43–47], «этническое самосознание» и «этническая идентичность», «этничность» [1, с. 47–52]. Вслед за рядом исследователей автор признаёт неудачным использование по отношению к летописным «племенам» словосочетания «союз племён», считая «терминологически корректным... применение этнокатегории “соплеменность” в том её значении, которое имеется у Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова» [1, с. 29–30, 71–72].

Важное место в главе и в исследовании в целом занимает параграф 3, в котором анализируется проблема т. н. восточнославянских «летописных племён». Автор выделил три подхода отечественных историков к оценке сущности этих «племён»: 1) этнически устойчивые образования, восходящие «к далёкому прошлому»; 2) территориальные новообразования, далёкие «от понятия этнически обособленных общностей»; 3) сложное и неоднозначное явление, требующее «по каждому из “племён” проводить отдельное исследование». При этом каждый из них имеет достоинства и недостатки, так что вести речь о «безальтернативном доминировании какого-либо подхода на любом отрезке истории изучения этого вопроса во 2-й пол. XX в. — нач. XXI в. будет некорректным» [1, с. 71].

Указанный параграф явился теоретическим и логическим «мостом» к анализу историографии отдельных восточнославянских «племенных образований», которому посвящена глава 2. Исходя из историко-географического принципа автор сгруппировал «племена» по 4 блокам (параграфам). Первые три посвящены восточнославянским общностям **юго-запада** (*поляне, вольняне, бужане, древяне, дреговичи*), **юга** (*хорваты, уличи, тиверцы*) и **юго-востока** (*радимичи, вятичи, северяне*) Восточной Европы. В 4-м блоке анализируется историография новгородских словен и кривичей (**северный/северо-западный** ареал расселения восточных славян). Ю. С. Кучин обоснованно выступил против имеющейся в историографии тенденции «придавать большое значение территориально-общинным связям у славян Восточной Европы в предгосударственный и раннегосударственный период их истории, так как имеется гораздо больше оснований считать, что в указанное время у восточноевропейских славян преобладали родоплеменные отношения» [1, с. 177]. Заслуживает пристального внимания аргумент, согласно которому «структуру общественных отношений и единство, пусть и относительное, внутри общности» в рассматриваемое время «могли сформировать и поддерживать только близкие и дальние родственные связи (в том числе способствовавшие общности обычаев)». В противном случае, по его мнению, невозможно «объяснить сохранение связей между представителями одной и той же общности, разделённых значительными расстояниями в местах их проживания (ареалы расселения многих славянских общностей, по общему признанию, равнялись территориям целых европейских государств) в отсутствие каких-либо государственных или квазигосударственных институтов» [1, с. 177].

Развитие этноисторической концепции древнерусской народности рассматривается в главе 3, построенной по хронологическому принципу, в соответствии с выделенной автором периодизацией. При этом в своём исследовании Ю. С. Кучин посчитал необходимым разделить «проблему существования “древнерусской народности”... и вопрос о “древнерусской народности” как общем начале трёх народов: русского, украинского и белорусского» [1, с. 187–188]. Последний автор оставляет за бортом своего исследования. Можно соглашаться или нет с таким подходом, однако следует признать, что концентрация внимания на том, как исследователи понимали сущность «древнерусской народности», характеризующие её признаки, причины «прекращения существования данной этнической общности», позволили автору выйти на ряд интересных историографических наблюдений и выводов, а также исторических гипотез.

Не анализирует автор также историографию происхождения термина «древнерусская народность» и проблему генезиса концепции «древнерусской народности», что объясняется и хронологическими рамками рецензируемой монографии, и наличием по данной проблематике обстоятельных работ Н. Н. Юсовой [4; 5].

Глава 3 выгодно отличается от предшествующих, особенно от главы 2, посвящённой менее крупным историографическим вопросам. Автор не только детально анализирует работы исследователей по теме (рассматривает содержание и эволюцию их видения проблемы, вплоть до отдельных нюансов, отмечая как полемику по отдельным вопросам, так и совпадение взглядов), но и даёт обобщающую, чётко структурированную, характеристику их взглядов в виде резюмирующих тезисов. Анализируя степень доказательности устоявшихся в историографии положений, Ю. С. Кучин склоняется к мнению тех историков, которые скептически относятся к вопросу этнического самосознания древнерусской народности. В частности, он обращает внимание на слабую доказательную базу едва ли не хрестоматийного в историографии положения, согласно которому древнерусская народность формировалась на основе объединения восточнославянских «племён». По его мнению, предпосылки для формирования нового этнического образования (самоназвание — *русины*), не являвшегося «прямым преемником» восточнославянских (тем более — неславянских) «этнических общностей, упоминаемых в летописях», складывались в городах. Однако на момент монгольского нашествия этот процесс находился лишь на начальной стадии. Что касается «сельской местности», то здесь «славянское население продолжало сохранять “племенную” этническую идентичность» и в древнерусское время [1, с. 252–262]. Предположение, несомненно, остроумное и интересное, но практически не доказуемое на имеющимся в нашем распоряжении конкретном историческом материале.

Интересная и содержательная монография Ю. С. Кучина, к сожалению, не свободна от недостатков. В первую очередь вызывает возражение принцип отбора историографических источников. Под «отечественной историографией» автор понимает советскую (до 1991 г.) и российскую (после 1991 г.) историографии. Исключение делается для зарубежных авторов в тех случаях, когда: 1) изучение ими «означенной тематики началось, когда они ещё были представителями советской исторической науки, а продолжено уже в рядах иностранного научного сообщества, как правило “ближнего зарубежья”»; 2) их работы «имели значение для формирования точек зрения по тем или иным вопросам указанной исторической проблематики» [1, с. 4–5]; 3) в первом и втором случаях обязательно публиковались в России и, обязательное условие (речь идёт и о работах советского периода) — на русском языке [1, с. 5: примеч. 1]. Иными словами, взгляды таких украинских исследователей, как, например, А. В. Комар и Н. Н. Юсова, которым посчастливилось быть отражёнными на страницах рецензируемой монографии, остались бы вне поля зрения Ю. С. Кучина, независимо от значимости их влияния на развитие российской историографии, не будь у них публикаций в России и на русском языке. Собственно, так произошло, например, с А. П. Толочко¹, чья статья по «воображаемой» древнерусской народности (на русском языке, но напечатанная в украинском издании) [3] оказала непосредственное влияние на монографию П. П. Толочко, но это не нашло никакого отражения в рецензируемой монографии, много внимания уделившей взглядам последнего. Да и вообще, можно ли в полной мере понять и оценить место того же П. П. Толочко в историографии вне контекста его украиноязычных работ разных периодов, украинских и белорусских работ в целом? Можно ли рассматривать мнения отечественных историков о первичных (малых) и больших «племенах» без работ польского академика Г. Ловмянского, а проблемы славянского этногенеза — без работ американского исследователя Ф. Курты? Как рассматривать историографию полян, древлян, бужан и т. п. без украинских авторов и каков смысл в «выборочном» использовании работ зарубежных историков? Это было бы оправдано в том случае, если бы современные российские исследователи читали только те зарубежные работы, которые выходят в России на русском языке. Но ведь это не так. Подобные вопросы и примеры можно множить.

Конечно, автор вправе определять объект и предмет своего исследования, ограничивать круг источников и т. п. Однако такой подход упрощает историографию, не позволяет проследить все историографические предпосылки представленных в российской историографии мнений. Не следует забывать, что сформировавшееся в СССР единое научное поле в существенной степени сохраняется, что значительная часть публикаций принадлежит украинским и белорусским авторам. Особенно высок удельный вес их работ по этническим общностям, располагавшимся на территории этих стран.

¹ А. П. Толочко, кстати, начинал как советский историк, и у него на русском языке работ больше, чем на украинском.

Поэтому целесообразно рассматривать современную российскую науку в более широком контексте постсоветской историографии, несмотря на то, что это выходит за рамки собственно отечественной историографии.

Недостатки выборочного использования украинской историографии особенно наглядно проявились на примере «древлянского» сюжета монографии. Отсутствуют указания на известные работы советских украинских историков Ю. В. Кухаренко, И. С. Винокура, В. А. Месяца. Не представлен такой плодотворный современный украинский исследователь проблемы, как Б. А. Звиздецкий, хотя его диссертация была защищена ещё в СССР (в 1990 г.) и есть автореферат на русском языке. Можно найти на русском языке и его современные работы, и работы других украинских исследователей. В любом случае языковой принцип отбора не должен распространяться на историографические работы, определяющие степень изученности рассматриваемой проблемы. Например, может ли исследователь, занимающийся историографией древлян, игнорировать украиноязычную статью А. В. Петраускаса «Древлянская земля в свете последних исследований», из легкодоступного академического научного издания [2]? И, конечно же, несколько статей Н. Н. Юсовой в российских изданиях никак не могут заменить её фундаментальную монографию, посвящённую генезису концепции «древнерусской народности» в советской историографии [4; 5]. Впрочем, в данном параграфе не удостоились отдельного внимания даже работы И. П. Русановой, при том, что сам Ю. С. Кучин отмечает их влияние на построения В. В. Седова [1, с. 87], которым посвящено немало страниц монографии.

По ряду историографических сюжетов рассмотрение историографии начинается непосредственно с заявленного в названии темы периода, как если бы историки этого времени начинали работать с чистого листа. Например, тот же древлянский сюжет начинается так: «Как одно из летописных “племён” юго-западной группы восточного славянства рассматривал в 1950-х гг. древлян П. Н. Третьяков. По его мнению...» [1, с. 86]. Сходным образом Ю. С. Кучин начинает освещение полянского [1, с. 73], волынянского [1, с. 81], хорватского [1, с. 98], уличского [1, с. 104], вятичского [1, с. 124], северянского [1, с. 130], кривичского [1, с. 144], словенского [1, с. 163] сюжетов². Тогда как целесообразно в таких случаях обозначить рубежи, на которых базировалась и от которых отталкивалась наука 1950-х — 1960-х гг. Иными словами — показать степень изученности проблемы на начальном этапе рассматриваемого в монографии историографического периода. Ведь, по словам самого автора, развитие взглядов историков в рассматриваемое время «происходило в русле традиций, восходящих к дореволюционной русской исторической науке, наметившей направления изучения вопроса» [1, с. 71].

Несомненной заслугой автора, как отмечалось выше, явился историографический анализ этнографических дефиниций, применительно к восточнославянскому материалу. Однако, практически, вне поля его зрения осталась терминология, применяемая представителями социальной и политической антропологии, определяющими, во многом, современный спектр изучения традиционных обществ (особенно это касается полемики вокруг такой дефиниции, как «племя»).

Работа не свободна от идеологических, не подтверждённых конкретным материалом штампов. Так, автор пишет о положительном влиянии на историческую науку последовавшей «после решений XX съезда КПСС (1956 г.) и последующей деятельности руководства СССР, направленной на “десталинизацию” идеологии», «раскрепостившей» «в значительной мере... историческую науку» и позволившей «научному сообществу во многом по-новому взглянуть на этногенетические процессы, протекавшие на территории средневековой Восточной Европы; поставить новые исследовательские проблемы, выйти за рамки “сталинского” видения исторического прошлого нашей страны» [1, с. 203]. Но из дальнейшего прочтения текста не видно, в чём все эти «прогрессивные» явления выражались.

Ограничив исследование жёсткими языковыми (издания на русском языке) и территориальными (работы, изданные в СССР и Российской Федерации) рамками, Ю. С. Кучин существенно сузил спектр рассмотрения проблемы, что не могло не сказаться на качестве анализа историографической ситуации. В то же время поставленные автором задачи в заданных им условиях можно считать выполненными. Проведённое исследование не только подводит историографические итоги развития отечественной историографии по рассматриваемой теме, но и позволяет наметить пути дальнейшего изучения проблемы, заставляет задуматься о внесении коррективов в имеющиеся представления об этнической структуре славян Восточной Европы домонгольского времени.

² Исключение — глава, посвящённая историографии древнерусской народности, начинающаяся с анализа ситуации середины 1940-х — конца 1950-х гг., с монографии В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» (1945 г.) [с. 188].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кучин Ю. С.* Этнические образования славян Восточной Европы IX–XII вв. в отечественной историографии (середина XX — начало XXI в.). М.: Издательский дом «Городец», 2017. 288 с.
2. *Петраускас О. В.* Древлянська земля у світлі останніх досліджень // Український історичний журнал. 2008. № 3. С. 26–30.
3. *Толочко А. П.* Воображённая народность // RUTHENICA. Т. 1. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2002. С. 112–117.
4. *Юсова Н. Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: «Консоль», 2005. 545 с.
5. *Юсова Н. Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). 2-е вид. Київ: «Стилос», 2006. 620 с.

Поступила в редакцию 20.09.2018

Пузанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: vvpuzanov@gmail.com

V.V. Puzanov

ETHNIC FORMATIONS OF EASTERN EUROPE OF IX – XII CENTURIES IN THE MIRROR OF MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY (ON THE MONOGRAPH BY YU.S. KUCHIN)

This article is devoted to the analysis of the monograph by Yu.S. Kuchin "Ethnic Formations of the Slavs of Eastern Europe of the 9th – 12th centuries in Russian historiography (mid-20th - early 21st century)". The author, on the basis of a wide range of historiographic sources, has created a substantial scientific work, which is original from the point of view of the problem statement and an integrated approach to its study. The monograph analyzes the source and theoretical base of research on the history of the so-called "Chronicle tribes" and "old Russian peoples", cognitive abilities of various types of sources on the topic, interpretation of ethnographic definitions by Russian scholars as applied to East Slavic material. Separate chapters are devoted to the historiography of specific Eastern Slavic "tribal formations" and "Old Russian peoples". Weak places of work are rigid language (only editions in Russian) and territorial (works published in the USSR and the Russian Federation) framework, which leaves behind a considerable amount of research that had an important influence on the national historiography of the problem.

Keywords: Yu.S. Kuchin, Eastern Europe of the 9th – 12th centuries, domestic historiography, ethnic formations, "tribes", old Russian people.

REFERENCES

1. *Kuchin Yu. S.* Jetnicheskie obrazovaniya slavjan Vostochnoj Evropy IX–XII vv. v otechestvennoj istoriografii (seredina XX — nachalo XXI v.) [Slavic Ethnic Community in Eastern Europe of 9–12 Centuries in National Historiography (Middle 20 — Beginning 21 Cent.)]. Moscow, "Gorodec" Publ., 2017, 288 p. (In Russian).
2. *Petrauskas O. V.* Drevljans'ka zemlja u svitli ostannih doslidzhen' [Drevlian's Land in the Last Research]. Ukrainskyj istorychnyj zhurnal [Ukrainian Historical Journal], 2008, no. 3, pp. 26–30. (In Ukrainian).
3. *Tolochko A. P.* Voobrazhonnaya narodnost [Imagined Nation]. RUTHENICA. Kiev, Acad. Sciences of Ukraine, Institute of History of Ukraine, 2002, vol. 1, pp. 112–117. (In Ukrainian).
4. *Yusova N. N.* Genezys koncepcii davnoruskoj narodnosti v istorychnij nauci SRSR (1930-ti — persha polovyna 1940-h rr.) [The Genesis of the Conception of an Old Russian Nation in the USSR Historical Science (1930-es — first half 1940-es)]. Vinnitsa, "Konsol" Publ., 2005, 545 p. (In Ukrainian).
5. *Yusova N. N.* Genezys koncepcii davnorusko narodnosti v istorychnij nauci SRSR (1930-ti — persha polovyna 1940-h rr.) [The Genesis of the Conception of an Old Russian Nation in the USSR Historical Science (1930-es — first half 1940-es)]. 2nd ed. Kiev, "Stylos" Publ., 2006, 620 p. (In Ukrainian).

Received 20.09.2018

Puzanov V. V., Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History
 Udmurt State University
 Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
 E-mail: vvpuzanov@gmail.com